

Постправда и ее опасности

ФУЛЛЕР С. ПОСТПРАВДА: ЗНАНИЕ КАК БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ / ПЕР. С АНГЛ. Д. КРАЛЕЧКИНА ПОД НАУЧ. РЕД. А. СМИРНОВА. М.: ВШЭ, 2021. 368 с. ISBN 978-5-7598-2190-8

Алексей Салин

Кандидат философских наук, доцент, кафедра философии,
Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет
Адрес: ул. Володарского, д. 6, г. Тюмень, Российская Федерация 625003,
E-mail: a.s.salin@utmn.ru

Общая характеристика ситуации постистины и пример брекзита

В книге «Постправда: знание как борьба за власть» Стив Фуллер поднимает ключевую для STS¹ тему гражданской науки и вовлечения масс в обсуждение общего мира, выстраиваемого учеными. Без этого включения процесса фактостроительства в политические дебаты демократия, по мнению автора, так и останется невозможной, поскольку значительная доля политических решений будет приниматься за закрытыми дверями лабораторий, вне общественных прений и делиберативного процесса. В итоге современные парламентские демократии оказываются технократиями. Именно по этой причине Б. Латур в книге «Нового времени не было»² предлагал идею парламента вещей, в котором законы природы публично обсуждались бы наряду с законами государства, а затем в работе «Политики природы» занимался выработкой новых политико-правовых понятий³, которыми должен будет руководствоваться такой обновленный парламент.

Книга Фуллера ставит вопрос об условиях возможности подобного проекта. Главное такое условие Фуллер видит в том, что в современном мире царит ситуация постистины, а не истины. Сегодня ученые и разного рода эксперты не обладают безусловной монополией в научных исследованиях и определении политического курса, так как вынуждены сталкиваться с альтернативными моделями фактостроительства и спорить с ними. В ситуации постистины более нельзя утверждать, что существует одна-единственная реальность, доступ к которой есть у особых людей, называющих себя экспертами. Наоборот, заявляется, что реальность есть следствие игры противоборствующих сил, которые устанавливают, что истинно, а что — нет, что научно, а что представляет собой обычную выдумку.

1. Science and Technology Studies, исследования науки и технологий.

2. Латур Б. (2006). Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина под науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: ЕУСПб. С. 227–230.

3. Латур Б. (2018). Политики природы / Пер. с фр. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс. С. 126–147.

Соответственно, в ситуации постистины всегда есть как минимум две противоборствующие силы, пытающиеся на свой лад определить реальность: сторонники существующего на данный момент научно-политического статус-кво и те, кто пытается оспорить монополию экспертов на власть-знание. Первых Фуллер во введении (с. 12–13) вслед за В. Парето называет «львами», вторых — «лисами» (здесь Парето отсылает к Макиавелли). Позднее, в третьей главе Фуллер назовет первых сторонниками истины, а вторых — постистины: «Я сам разделяю сторонников „истины“ и „постистины“ в соответствии с тем, играют ли люди по правилам актуальной игры знания или же они пытаются изменить правила игры себе на пользу. В отличие от сторонников истины, которые играют по существующим правилам, сторонники постистины желают такие правила изменить» (с. 102–103). Чтобы проиллюстрировать наглядно это различие, Фуллер использует излюбленные примеры хулителей постистины — брекзит и избрание Дональда Трампа на пост президента США.

Трампа и сторонников брекзита Бориса Джонсона и Майкла Гоува Фуллер считает «лисами», а экс-премьера Великобритании Дэвида Кэмерона и проигравшую Трампу Хиллари Клинтон — «львами». Последние в своих политических решениях опирались на экспертное мнение экономистов и социологов, тогда как первые привлекали своих сторонников утверждениями о том, что подобное мнение само небеспристрастно, так как основывается на перспективе правящих элит и, соответственно, является способом легитимации их господства. Поэтому отказ от использования экспертного мнения в качестве основы для своих действий они выставляли как способ вернуть суверенитет народу, а значит, вдохнуть в существующие государства дух подлинной демократии, выкачанный из них высококолобыми экспертами и политическим истеблишментом (с. 42–44). В первой главе своей книги Стив Фуллер подробно объясняет все эти процессы на примере брекзита.

В своем описании брекзита автор подчеркивает, что «лисы» Гоув и Джонсон не были просто популистскими демагогами, обещающими своим избирателям все что угодно без опоры на какие-либо формы знания, какими их пытались выставить «львы» во главе с Кэмероном. В действительности борьбу «лис» и «львов» в данном случае можно описывать как борьбу разных культур производства знания, культур «гуманитариев» (Гоув и Джонсон) и «ученых» (Кэмерон): пока первые использовали плоды своего филологического образования в периодике, вторые опирались «на трезвые экономические аргументы и прогнозы, подкрепляемые данными Банка Англии» (с. 35). В этом смысле победа сторонников брекзита может рассматриваться как победа одного типа знания над другим.

С другой стороны, «гуманитарии» точно так же, как и «ученые», основывали свои политические решения на способах статистического анализа, но при этом «львы» опирались на традиционные методы псефологии (соцопросы), тогда как «лисы» обратились к анализу больших данных, а именно к услугам компании Cambridge Analytica, которая «сделала для брекзита и выборов Трампа в США больше, чем все то, что могли устроить русские хакеры» (с. 37). Таким образом, Фуллер

подчеркивает, что в случае брекзита речь шла не о борьбе оголтелых популистов с настоящими экспертами. Скорее, имела место схватка двух разных форм производства знания, в условиях которой форма, господствующая на данный момент, настаивает на своей универсальности, а другая, борющаяся с ней, — на возможности переопределения правил игры. То есть одна из этих форм пытается прекратить ситуацию постистины, тогда как другая всячески ее поддерживает и использует.

Особого внимания в первой главе заслуживает любопытное замечание о том, что одним из главных мест, в которых экспертиза постоянно ставится под вопрос, является университетская аудитория, «поскольку преподавание дает доступ к знаниям тем, кто в ином случае не мог бы приобрести их, не став частью контекста, в котором такие знания производятся и распределяются» (с. 49). Иными словами, если бы университеты были нацелены на передачу знаний только тем, кто собирается и дальше заниматься исследованиями, они полностью превратились бы в закрытую институцию и законсервировались. В связи с этим Фуллер критикует преобладающую сегодня модель исследовательского университета и призывает вернуть ему прежде всего просвещенческую функцию.

Модальная власть в истории философии и науки

В соответствии с названием второй главы Фуллер переходит к вопросу о том, «что о ситуации постистины может рассказать философия» (с. 52). Здесь представлено центральное для книги понятие модальной власти. Автор пишет, что модальная власть была изобретена Платоном в его «Диалогах», прежде всего в «Государстве», в котором древнегреческий философ обрушивается с критикой на софистов и художников, по сути, за одно и то же: за то, что те создают для своих учеников или зрителей множество возможных миров, показывая конвенциональную природу существующего (космо)политического порядка (с. 67). Софисты учат, что справедливость может быть разной в зависимости от государственного строя, художники показывают, что мстительность может быть благом, коли даже боги мстят. Подлинными же цари-философы, в отличие от софистов должны, по мнению Платона, создавать такое законодательство, которое вызывало бы у масс ощущение того, что налично данный порядок является единственно возможным.

По Фуллеру, модальная власть как раз и есть власть определять, что является возможным, а что — нет. Если Платон считал, что модальная власть должна принадлежать ограниченному сословию царей-философов (читай, «экспертов»), то софисты, на стороне которых выступает Фуллер (с. 59), считают возможным демократическое распределение модальной власти: возможны самые разные констелляции возможного/невозможного в зависимости от результата переговоров равноправных граждан (не обладающих никакой эксклюзивной «экспертизой»). По этой причине принципиальная убежденность Платона в существовании лишь одной единственной истины оказывается попыткой приостановить демократиче-

ские прения о проведении границ между возможным и невозможным, которые всегда идут в ситуации постистины (с. 74).

В этой же, второй главе Стив Фуллер приводит аргументы в пользу того, что для современной науки в действительности более свойственна ситуация постистины, чем истины. Дело прежде всего в значении визуальных репрезентаций, с помощью которых ученые подкрепляют свои теории (с. 75–77). Эта зрелищность современной науки показывает, что в ее контексте художники и софисты не дали царям-философам монополизировать модальную власть. Как отмечает Фуллер, в этом нет ничего удивительного, учитывая, что истоки современной науки находятся в раннем Новом времени, а точнее, в спорах между Гоббсом и Бойлем. Гоббс, будучи принципиальным платоником, отказывался признавать экспериментальную науку как раз за ее театральность, тогда как Бойль настаивал на своем театре демонстраций (с. 77–78).

Фуллер также показывает различие между ситуациями истины и постистины на примере философии науки XX века. Парадигмальным примером для него является Людвиг Витгенштейн, который на раннем этапе своего творчества был мыслителем истины, а на позднем — перешел на сторону постистины. Если в «Логико-философском трактате» Витгенштейн считал, что интерпретация высказывания в качестве истинного или ложного является делом механическим (надо просто посмотреть на мир сам по себе), то в «Философских исследованиях» Витгенштейн допускает множество возможных интерпретаций одних и тех же данных, так что «истина» и «ложь» оказываются делом перспективы (с. 83–84). В этом смысле ранний Витгенштейн допускает всего лишь одну неизменную реальность, тогда как поздний предполагает, что в своих языковых играх люди постоянно эту реальность переопределяют.

Но при этом, как и множество других интерпретаторов, Фуллер не считает, что поздний Витгенштейн наотрез отказался от каких-то своих первичных установок, скорее, он просто показал их глубинное основание. Фуллер объясняет различие между трудами раннего и позднего Витгенштейна тем, что «Логико-философский трактат» рассказывает об устойчивом и неизменном мире, языке и истине внутри конкретной языковой игры, тогда как «Философские исследования» объясняют, как данные логические и онтологические сущности могут меняться от одной языковой игры к другой. По этой причине Фуллер считает, что поздний Витгенштейн на самом деле не отказался от позитивизма, а развил его, и то же самое сделал и Томас Кун, на которого «Философские исследования» оказали значительное влияние (с. 86). Все это позволяет автору назвать STS «постмодернистским позитивизмом» (с. 83), учитывая то, насколько эта традиция в своих теоретических основаниях зависит от Куна и позднего Витгенштейна.

В этом смысле, как считает Фуллер, позитивисты прекрасно понимали, что «истина — это просто общее свойство языка, который мы решаем использовать, или игры, в которую мы решаем играть» (с. 87). Они только пытались найти одну конкретную языковую игру, которая наилучшим образом смогла бы удовлетво-

ритель запрос ученых из всех областей на нормализацию их деятельности, из-за чего они и потерпели крах: оказалось, что и для самой «науки» продуктивным является сосуществование множества языковых игр. Так что позитивизм с его чисто формальным пониманием истины как свойства языка вполне вписывается в дух постистины.

Реального врага постистины сегодня Фуллер видит в распространенном среди аналитических философов веритизме с его главными представителями — Элвином Голдманом, Эриком Бейкером и Наоми Орескес (с. 88). Данные философы, в отличие от позитивистов, настаивают на существовании истины, внешней по отношению к языковым каркасам и совпадающей с окончательным консенсусом ученых по «правильной репрезентации реальности» (с. 101). Фуллер показывает, что представители данного течения, по сути, снова и снова занимают платоновскую позицию борьбы против софистов за монополизацию модальной власти, не имея достаточных оснований для отождествления научного консенсуса с той самой «внешней» истиной (с. 92–96). Более того, само понятие научного консенсуса кажется Фуллеру сомнительным, учитывая большое число разнонаправленных исследовательских позиций, ортодоксов и диссидентов в самых разных областях знания. Эксперты пользуются им, только если испытывают потребность сомкнуть ряды перед общим противником, выстраивая единое мнение в вопросах фактов и ценностей, а значит: «Это социальный конструкт, вот и все» (с. 100).

Погоня за рентой, военно-промышленный комплекс и протнаука

В третьей главе Фуллер развивает тезис о том, что социальный конструктивизм и социология в целом в своих основаниях тесно связаны с ситуацией постистины. Он критикует STS за то, что сегодня многие начинают отрешиваться от ситуации постистины по причине использования политически нежелательными элементами (например, креационистами или климатическими скептиками) идей социального конструктивизма для борьбы с экспертами (с. 112–114). Так Латур, например, поднял белый флаг в «научных войнах» (с. 115). Фуллер же в этом контексте считает, что представители STS могут поддерживать в войнах против научной экспертизы те элементы, которые кажутся им политически надежными, но при этом не выходя из поля борьбы. Иначе модальная власть будет узурпирована узким кругом избранных. Заканчивается третья глава тем, что Фуллер объявляет современный академический мир неофеодальной системой, поскольку эта самая монополизация власти экспертами приводит к тому, что в академии капитал во всех его формах распространяется на основе «знакомств и рукопожатий»: «Родословная по-прежнему играет определяющую роль, каков бы ни был источник прав прародителей» (с. 130).

Четвертая глава полностью посвящена тезису Фуллера о том, что именно военно-промышленный комплекс всегда был силой, противостоявшей феодализации академического мира и поддерживавшей ситуацию постистины в науке. Фуллер

демонстрирует это на примерах стратегий, используемых «лисами» в контексте подобных исследований: они изучают материал малозаметных исследований, «отыскивая в нем скрытый потенциал, позволяющий развить уже имеющиеся программы или же открыть новые» (с. 141). Дело тут в том, что военно-промышленный комплекс всегда существует в формате конкуренции («гонки вооружений»), а в конкурентном контексте важно обнаруживать скрытые источники приращения капитала, вместо того чтобы продолжать «по-львиному» и в неофеодалном ключе взимать ренту с ученых, занимающихся «нормальной наукой». Это общее умонастроение Фуллер называет «военно-промышленной волей к знанию» (с. 146). Эта воля находит проявление, например, в том, что именно в рамках данного комплекса возникло требование междисциплинарности (с. 148), без которой ученые разных специальностей занимались бы бесконечным самовоспроизводством.

В пятой главе Фуллер рассматривает введившееся им ранее⁴ понятие протестантской науки, или — сокращенно — протнауки. Данное понятие является ключевым для иллюстрации фуллеровского проекта демократизации научного знания. Аналогия с протестантизмом здесь обосновывается тем, что в ситуации постистины «наука считается личным делом» каждого (с. 200) и производителями знания становятся в том числе и не-эксперты подобно тому, как Реформация привела к появлению множества вероучений, основанных на личном и нетрадиционном толковании Писания. Примеры протнауки Фуллер видит в развитии теории разумного замысла, в альтернативной медицине и коллективном создании Википедии (с. 200). Аналогия между Реформацией и протнаукой усиливается и тем, как к этим явлениям относились и относятся официальные элиты: «католики шельмовали протестантов, называя их атеистами», а «сегодняшних протученых избличают как представителей антинауки», хотя в обоих случаях критиками статусно выступают «хорошо образованные люди, нисколько не отказывающиеся от необходимости предоставлять доводы и факты в пользу своих убеждений» (с. 201).

Фуллер отдает себе отчет, что данная ситуация может приводить к появлению множества шарлатанов, но при этом он считает, что эти трудности общество в состоянии со временем решить и что они не так уж много значат в сравнении с расширением полномочий и прав граждан в мире протнауки. Дело в том, что в этом новом мире не сами эксперты должны определять политический курс на базе проведенных исследований — напротив, «бремя интерпретации ложится теперь на аудиторию, считающуюся ангажированной и разумной» (с. 202). Иными словами, в современном мире не-эксперты получают доступ почти к тем же объемам информации, что и эксперты, и вполне имеют право на свое осведомленное мнение по актуальным научным вопросам. Подобно тому как Реформация со своей опорой на печатный станок и распространение копий Библии уничтожила непререкаемый авторитет католической церкви в вопросах толкования Писания и в итоге

4. Fuller S. (2010). Science. Durham: Acumen. P. 61–71.

привела к секуляризации, протнаука со своей опорой на интернет и свободный доступ к материалам исследований расколдовывает научную экспертизу и надеяет граждан достаточной осведомленностью для критики экспертного мнения. Поэтому, как точно отмечает Фуллер, протнаука «представляет собой наиболее поздний этап секуляризации, на котором наука сама становится мишенью, а не агентом секуляризации» (с. 202).

Особую роль в развитии протнауки играют социальные группы, занимающие как бы промежуточную позицию между научными элитами и простыми гражданами: это публичные интеллектуалы, которые, во-первых, сами претендуют на производство знания, не «платя ренту» академии, а во-вторых, сами распространяют знание, не «взимая ренту» с других. Именно поэтому экспертные элиты так боятся публичных интеллектуалов: они подрывают традиционную экономику знаний (с. 206–207). Подобную функцию выполняют и научные журналисты, аудитория которых получает доступ к лабораторным исследованиям иногда почти в формате «реалити-шоу» (с. 212) и в итоге становится достаточно осведомленной для самостоятельных суждений о положении дел в науке и мире.

Чтобы формально определить изменение роли не-ученых в ситуации протнауки, Фуллер использует понятия заказчика и потребителя. Если в мире истины аудитория ученых является и заказчиком, и потребителем научного знания, то в мире постистины аудитория является его заказчиком, но может вполне отказаться от роли потребителя. Иными словами, поскольку наука чаще всего финансируется государством, конечным ее заказчиком всегда оказываются налогоплательщики, но в контексте протнауки эти же самые налогоплательщики вольны следовать или не следовать рекомендациям ученых, «потреблять» их или нет (с. 213–215).

От предосторожности к проактивности

Шестая глава производит своего рода синтез между философскими и политическими аспектами ситуации постистины. Сначала Фуллер отмечает, что в ситуации постистины грань между наукой и политикой, проводившаяся Максом Вебером на основании реализма первой и антиреализма второй, становится весьма зыбкой, поскольку ни для кого уже не секрет, что и в науке постоянно идет политическая борьба за модальную власть (с. 251–258). Далее снова упоминается спор между платоновско-аристотелевской линией монополизации модальной власти и плюрализмом в определении пространства возможного, в Античности поддерживавшимся оппонентом Аристотеля Диодором Кроном: согласно первой линии, значение всякого высказывания о мире не зависит от способа его интерпретации, согласно второй — возможны различные интерпретации высказываний, а значит, и множественные онтологии (с. 258–264). Источником таких онтологий, согласно Фуллеру, является вымысел, и в целях иллюстрации этой мысли в книге приводятся примеры из математики — иррациональные числа, и юриспруденции — «основные нормы» в понимании Кельзена (с. 264–268). При этом подобные вымыслы перестра-

ивают не только пространство возможностей в будущем, но и «по-оруэлловски» переписывают историю (с. 269–273).

В седьмой главе Фуллер наиболее полно представляет политические следствия ситуации постистины, демонстрируя их на примере экспертного прогнозирования будущего. С его точки зрения, в мире постистины ученые и политики должны исходить из принципа проактивности и форсированного правления, а не предосторожности и предупреждающего правления. Это значит, что они не должны бояться реализовывать любые возможные модели будущего, даже если существующее на данный момент экспертное знание противоречит данным моделям или отвергает их (с. 309–333): «Форсированное правление осуществляется на основе предположения, что определенный ущерб будет нанесен независимо от того, какой курс выбрать, а потому задача в том, чтобы извлечь из него наибольшую выгоду» (с. 323–324). По этой причине Фуллер считает право на ошибку фундаментальным демократическим правом в мире постистины: всякий должен иметь право совершить неудачный эксперимент в науке или в политике, ведь без проб и ошибок невозможно развитие, как учил еще Карл Поппер (с. 278–283).

В данной главе Фуллер также приводит онтолого-эпистемологические основания самой идеи предсказания (с. 283–290) и, ссылаясь на работу П. Тетлока⁵, утверждает, что в мире экспертного прогнозирования также есть свои «львы», привыкшие делать прогнозы на основе устоявшейся парадигмы (только их Тетлок вслед за Эразмом Роттердамским называет «ежами»), и «лисы», исходящие из большего числа контрфактических сценариев (с. 290–300). При этом «лисы» особенно умело пользуются и контрфактическими суждениями об истории, чтобы показать, что даже самые невероятные прогнозы могут сбыться в будущем, а это в том числе может радикально изменять и наши моральные представления (с. 300–309). Например, если бы нацисты выиграли, «понимание зверств, ими устроенных, было бы нормализовано, не исключено, что примерно так, как по-прежнему нормализована крайняя бедность в развивающемся мире» (с. 304).

Штурм Капитолия и проблема демократии

Книга Фуллера была опубликована в 2018 году, в 2021-м она вышла в переводе на русский. Эта дистанция между временем изначального выхода книги и нынешним моментом позволяет гораздо лучше ее понять, потому что за это время произошло много политических событий, представивших идеи Фуллера на практике, что можно считать их своего рода проверкой на философскую и политическую состоятельность.

Парадигмальными примерами развития ситуации постистины для Фуллера являются победа Трампа на президентских выборах 2016 года в США и брекзит. Фуллер часто пишет, что еще далеко не ясно, какой будет конечная судьба этих

5. Tetlock P. (2005). *Expert Political Judgement: How Good Is It? How Can We Know?* Princeton: Princeton University Press.

событий. И сегодня, в 2022 году, когда мы значительно лучше знаем последствия брекзита и правления Трампа, мы гораздо глубже можем понять сущность постистины, а вместе с тем и политические взгляды ее апологетов, в частности Фуллера.

Чем закончился президентский срок Дональда Трампа? После того как Трамп в 2020 году проиграл на выборах и не прошел на второй срок, на митинге 6 января 2021 года он призвал своих сторонников «бороться изо всех сил» и «идти к Капитолию». В итоге митинг вылился в бесславный штурм Капитолия, целью которого был срыв дебатов по подведению итогов прошедших президентских выборов и признанию Джозефа Байдена новым главой США. Любопытно, что в своей речи Трамп продолжал «лиси» риторические приемы, о которых пишет в своей книге Фуллер: так, например, он призвал своих сторонников не верить результатам президентских выборов, что вполне соответствует постистинностному убеждению в том, что любые факты фабрикуются, а значит, могут быть и перефабрикованы по-новому, если подсчитать голоса иначе.

Попытка захвата власти сторонниками Трампа заставляет задуматься о том, насколько невинна ситуация постистины и какие политические последствия она может вызывать. Несомненно, Фуллер прав, говоря, что «мир постистины — это неизбежный результат большей эпистемической демократии» (с. 117), поскольку сама возможность рядовых граждан отстаивать неконвенциональные теории и участвовать в производстве фактов гарантирует, что модальная власть не будет монополизирована узким кругом экспертов, готовых бесконечно взимать ренту с неофитов. Тем не менее, как показывает случай со штурмом Капитолия, некоторые способы построения фактов, имеющие своей целью борьбу за власть, ставят под угрозу само пространство демократических прений: трамповские призывы не верить элитам вылились в попытку силовой экспроприации принадлежавших этим элитам механизмов производства фактов. Использование силы, разумеется, само по себе делает невозможным тот самый демократический выбор граждан между состязающимися элитами, на котором настаивает Фуллер: если одна элита захватывает власть силой, это необязательно происходит потому, что она лучше выражает интересы людей. Может быть, ее сторонники просто лучше машут кулаками.

Поэтому выходит, что для поддержания принципов демократии в ситуации постистины необходимо ввести ограничения этой демократии. Например, должны быть запрещены такие политические программы, которые исключают возможность производства знания людьми определенной партии, класса или цвета кожи: это требование соответствует знаменитому принципу универсализма в мертоновском научном этосе⁶. Здесь будет уместно вспомнить идею Славоя Жижека о том, что любой системе для ее нормального функционирования нужно симптоматиче-

6. Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой, З. В. Кагановой, В. Г. Николаева, Е. Черемисиновой. М.: АСТ. С. 770–774.

ское место, в котором ее базовые принципы нарушаются⁷: в случае демократии таким симптомом является запрет ультраправых идеологий, попирающих базовые права и свободы человека, например нацизма.

В связи с этим возникает вопрос о том, какой именно позиции по данному вопросу придерживается Фуллер: должна ли в ситуации постистины ценность плюрализма идеологий ограничиваться во имя сохранения самого пространства демократии, или же в политических играх должна иметь возможность участвовать любая «команда», вне зависимости от того, какие потенциальные риски связаны с ее взглядами? Судя по основным тезисам книги, Фуллер все же отстаивает идею полной свободы слова и политического плюрализма, какую бы цену за них ни пришлось платить.

Об этом говорит его вера в принцип проактивности. Как уже объяснялось, данный принцип призывает защищать любой вариант развития будущего, на который готовы рискнуть отстаивающие его люди. Онтолого-эпистемологическим основанием данного принципа служит уверенность Фуллера в том, что будущее не предопределено, а попытки его прогнозирования и высчитывания рисков покоятся на предпосылках, гласно и негласно принимаемых прогнозирующими экспертами. Поскольку ситуация постистины учит нас тому, что истины и факты существуют только в рамках определенной перспективы, это значит, что данные прогнозы могут быть верны, только если мы остаемся в рамках оптики, принятой экспертами. Иными словами, если мы не консолидируемся в их предпосылках с теми, кто прогнозирует даже самые страшные риски в будущем, данных рисков для нас вообще может не существовать или же они могут представлять для нас возможностями лучшего будущего. Именно поэтому брекзит можно считать победой демократии над технократией: что бы ни говорили эксперты в области экономики и международных отношений, народ предпочел пойти на риск, в том числе чтобы продемонстрировать свой суверенитет элитам, вооруженным таинственной экспертизой.

Однако в ситуации постистины принцип проактивности открывает дорогу для множества перегибов и искажений политического поля как такового: если мы не можем предложить никакого универсального принципа для отделения морального от аморального, о чем Фуллер говорит, например, в связи с вопросом о контрфактических суждениях и альтернативных моделях прошлого (с. 300–309), то выходит, что политические лидеры имеют право выстраивать любую модель будущего просто на том основании, что их избиратели готовы данную модель поддерживать и пойти на риски, связанные с этим решением. Об этом же свидетельствует и следующая фраза Фуллера: «Учитывая общую невероятность достижения совершенного результата, демократия должна стремиться принимать такие решения, за которые те, к кому эти решения применяются, хотели и могли бы брать на себя личную ответственность при любых последствиях» (с. 32–33). Таким образом, не-

7. Жижек С. (1999). Возвышенный объект идеологии / Пер. с англ. В. Софронов. М.: Художественный журнал. С. 29–30.

предсказуемость и сложность мира, а также невозможность отделить универсальным образом истинное от ложного и правильное от неправильного позволяют Фуллеру отождествить демократию с возможностью общества принимать те решения, которые оно посчитает нужным, даже если их последствия кажутся весьма неочевидными и сомнительными исходя из вполне разумных оснований, ведь за «разумными основаниями» всегда скрывается простая воля к модальной власти.

Таким образом, если эпистемологическую позицию Фуллера можно назвать социальным конструктивизмом, то ее политическим двойником оказывается децизионизм: законное и незаконное, моральное и аморальное в конечном счете определяются волей принимающих решения элит, поддерживаемых своими избирателями. Показательно, что, деконструируя веберовское различие между политикой и наукой, Фуллер упоминает конструктивизм и децизионизм как основные черты политической деятельности (с. 252). Выходит, что, стирая это различие, он тем самым не только распространяет децизионизм на область науки, но и по умолчанию допускает его как основу для своих политических воззрений. Тем самым Фуллер определяет допустимое и недопустимое в политике, законное и незаконное просто как согласующееся с волей победившей политической элиты, заручившейся достаточной общественной поддержкой.

Разумеется, сам факт того, что точка зрения Фуллера тяготеет к политическому децизионизму, уже вызывает вопросы, так как эта позиция, выдвинутая еще Карлом Шмиттом, по сути, была официальной позицией нацистской политической теории и практики. По всей видимости, подобное представление о политике и демократии в книгу Фуллера проникло благодаря сильному влиянию Вильфредо Парето и Йозефа Шумпетера, каждый из которых сводил демократию к конкурентной борьбе элит за власть посредством электоральных механизмов⁸. Особенно сомнительными в связи с этим выглядят рассуждения Фуллера о том, что зверства нацистов могли бы выглядеть вполне обоснованными, одержи они победу (об этом мы уже говорили выше). Отказ считать нечто принципиально аморальным напрямую вытекает из фуллеровского конструктивизма и децизионизма, что свидетельствует о неспособности его теории дать принципиальные ориентиры для различения допустимого и недопустимого в политике и морали, кроме требования свободы элит в политической борьбе, которая, по всей видимости, может разворачиваться любым возможным образом, в зависимости от их поддержки электоратом. В равной мере любопытным выглядит признание Фуллером права на ошибку как фундаментального института демократии: этим правом децизионизм «прикрывает тылы» в случае, если политическая авантюра, им вдохновляемая,

8. О рассмотрении демократии как особого типа борьбы элит за власть у Вильфредо Парето и Йозефа Шумпетера и о влиянии первого на второго в этом вопросе см.: *Christensen M.* (2013). The Social Facts of Democracy: Science Meets Politics with Mosca, Pareto, Michels, and Schumpeter // *Journal of Classical Sociology*. Vol. 13. № 4. P. 460–486. О влиянии Карла Шмитта на Йозефа Шумпетера и проблемах сведения демократии к электоральным процедурам см.: *Юдин Г.* (2021). Россия как плебисцитарная демократия // *Социологическое обозрение*. Т. 20. № 2. С. 9–47.

оборачивается ужасами и непотребствами. Это, например, хорошо видно в случае с Мартином Хайдеггером и попытками оправдать его причастность к нацизму⁹.

Поэтому штурм Капитолия сторонниками Трампа выглядит как вполне закономерное следствие децизионистского измерения ситуации постистины: харизматический лидер призывает народ, the people, не верить «фактам», сфабрикованным кучкой профессиональных политиков, и вернуть себе суверенитет. В связи с этим встает вопрос о том, как можно было бы демократизировать производство научного знания, отказавшись от монополии замкнутого круга экспертов-технократов, но при этом не допустив тех политических aberrаций, которые предполагает предлагаемое Фуллером шумпетерианское понимание демократии как борьбы элит за избирателей? Как можно использовать демократический потенциал ситуации постистины, не допуская пресловутого превращения демократии в тиранию?

Как спасти ситуацию постистины от опасности?

Здесь можно предложить по меньшей мере две идеи. Первая вытекает из фуллеровского понятия протнауки. Как мы помним, в ситуации постистины научное знание становится личным делом каждого, что приводит к появлению множества теорий, не укладывающихся в научный мейнстрим. Эту ситуацию Фуллер сравнивает с Реформацией, когда в связи с книгопечатанием возможность по-своему толковать Библию появляется у большего числа людей. Как напоминает сам Фуллер, Реформация дала дорогу религиозным войнам (с. 118), а протнаука может приводить к появлению всяческих недопониманий и шарлатанства (с. 201), в связи с чем в ситуации постистины, разумеется, уже кипят и будут кипеть всевозможные научные войны.

Проблема борьбы элит в ситуации постистины может быть решена сходным образом с тем, как была решена проблема религиозных войн. Век Просвещения ограничил религию знаменитыми кантовскими «пределами только разума», что в политико-правовом отношении соответствовало идеям общественного договора и вытекающему из них принципу, что в основании закона должна лежать не религиозная вера, а естественное право. Тем самым все апелляции к божественной воле в политико-правовых спорах были объявлены ничтожными, а само пространство этих споров ограничено морально-политической философией Нового времени. Данное решение вполне может быть повторено и в ситуации постистины с ее научными войнами и борьбой «лис» против «львов». Новые просветители могут предложить сегодня морально-политические основания для того, чтобы ответить науке и научным войнам точно определенное границами разума место. Иными словами, в ситуации постистины необходимо выработать нормативные основания для споров ученых друг с другом, создать базовые моральные принципы, которые не позволили бы борьбе элит вылиться в новый «Machtergreifung». В ситуации по-

9. Wolin R. (2017). On Heidegger's Antisemitism: The Peter Trawny Affair // *Antisemitism Studies*. Vol. 1. № 2. P. 267–272.

стистины вновь повышается спрос на нормативное философствование, необходимое для предохранения научно-политического поля от закрытия и антидемократизации. Как и в случае с веком Просвещения, разумеется, необходимы не только философствование, но и институционализация данных принципов в новых законах и конституциях, которые на равных регулировали бы управление обществом в политике и формирование фактов в науке.

Вторая идея заключается в изменении представления о том, как в ситуации постистины должна пониматься демократия. Упование Фуллера на альтернативные, «лисьи» элиты, способные составить конкуренцию «львиному» истеблишменту в битвах за модальную власть, продиктовано, как уже говорилось, теорией демократии, которая исходит из представления о народе, демосе как о неструктурированной массе, которая может быть мобилизована только для голосования. Такое представление о народе само по себе является крайне недемократичным, так как отказывает гражданам в постоянном и действительном вовлечении в научно-политический процесс. Именно на нем в конечном счете основываются бонапартистские методы захвата и удержания власти, и поэтому в риторике Трампа в его речи перед штурмом Капитолия настолько значительную роль играл троп фальсифицированных выборов.

В связи с этим упор на электоральные процессы как на единственный способ волеизъявления народа в конечном счете приводит к проблемам и кризисам демократии. Поэтому, возможно, чтобы гарантировать подлинный демократизм в эпоху постистины, недостаточно пестовать плюрализм среди элит — нужно увеличивать зоны гражданского участия. Такой республиканский взгляд на демократизацию знания в ситуации постистины отличается от фуллеровского тем, что он больше надежды возлагает не на возможность выбора между спорящими теориями и типами экспертизы, а на постоянное вовлечение граждан в производство фактов и права. Суды присяжных, в которых участвуют не на выборной основе, а по жребию, продолжают, например, эту республиканскую, восходящую к Античности идею.

Подобное республиканское отношение к ситуации постистины способно решить и другую проблему: проблему роста шарлатанства в информационном поле, которую отмечает и сам Фуллер. Дело в том, что республиканизм как идеология предполагает создание публичной «арены», на которой должны регистрироваться наилучшие достижения граждан¹⁰. В связи с этим республиканское понимание «демократизма» не противоречит «аристократизму» в ограниченном смысле: если в контексте производства знания кто-то зарекомендует себя как наилучшего и заслуживающего доверия, он или она будет отмечен или отмечена на этой арене, шарлатанов же из этой сферы будут исключать. Фуллер же только отмечает, что данная проблема постепенно разрешится с ростом ответственности общества за производство знания, но только республиканизм дает идейные основания для ее

10. Хархордин О. (2021). Республика. Полная версия. СПб.: ЕУСПб. С. 178.

решения. Таким образом, республиканское понимание постистины не отвергает экспертное знание в принципе, как это делает Фуллер, — оно только настаивает на формировании этого знания в публичном пространстве, в условиях широкой политической мобилизации граждан.

Итак, с одной стороны, Стив Фуллер в своей книге провозглашает правильное требование демократизации производства знания, часто озвучивавшееся в STS, и предлагает прекрасные экскурсы в историю модальной власти, критические замечания об утрате университетами просвещенческой функции, о роли военно-промышленного комплекса в этой демократизации и т. д. С другой стороны, само понимание Фуллером демократии исходит из весьма спорной политической традиции, а потому его представления о проактивности и форсированном правлении дают дорогу политическим авантюрам, способным уничтожить пространство свободы в науке и политике. В этой рецензии я изложил свои интуиции о том, какая морально-политическая философия и какие воплощающие ее институты могут защитить ситуацию постистины от таящихся в ней опасностей.

Post-Truth and Its Threats

Alexey Salin

Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor, Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen

Address: Volodarskogo str., 6, Tyumen, Russian Federation 625003

E-mail: a.s.salin@utmn.ru

Book Review: *Steve Fuller*. *Postpravda: znanie kak bor'ba za vlast'* [Post-Truth: Knowledge as a Power Game] (Moscow: HSE, 2021) (in Russian).